

ДЕВЯТЬ ЛЕТ

ПРОКЛЯТИЯ

БЫВШИЕ

ЛЕТА РЕФЕР

Агата Вебер

Бывшие. Девять лет проклятия

<https://litres.ru/74096896>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она девять лет хранила ему верность. А он просто взял и начал новую жизнь. Но когда она приезжает, чтобы бросить предателю в лицо его подлость, выясняется страшное: Он не лгал. Его душу стерли, подменили, заточили в теле чужого мужа. Теперь двум женщинам — законной жене и той, что держит его в неволе, — предстоит сделать выбор. Кто из них готов на жертву, чтобы подарить ему свободу? И кто из них настоящая жертва в этой истории?

Девять лет надежды. Девять лет лжи.

Содержание

Глава	4
Глава 1.	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бывшие. Девять лет проклятия

Глава

«Бывшие. Призрачный муж»

Агата Вебер

Глава 1.

Я не помню вкуса сна, потому что мои последние девять лет — это не отдых. Это как провал в серую, липкую муть под утро. А потом — рывок, и я снова в этом мире... Где есть работа, на которую ходишь по инерции. Потому что так надо, и потому что нам нужны деньги. И всегда работающий телевизор, который беззвучно транслирует чужую жизнь. На тумбочке — ледяной чай. Я не допиваю его никогда. Выливаю из кружки вечером... наливаю новый, и это происходит изо дня в день. А пока кружка горячая, я использую её как грелку. Прижимаю к ладоням, пытаюсь почувствовать хоть какое-то тепло, но оно быстро уходит, оставляя после себя только холодную керамику.

У меня неполная семья. Это моя мама, которая живет на соседней улице, она приходит иногда к нам в гости. И моя дочка Диана, с которой мы приходим к моей маме на блины каждую субботу. Соблюдая опять изо дня в день одни и те же ритуалы...

А по вечерам мы с Дианой чаще сидим в тишине. Мы едим еду, разговариваем ни о чем. А потом дочь уходит в свою комнату и запирается в ней, но я её за это не виню, ей уже почти пятнадцать. В её мире есть школьные дела, подружки, тик-ток. А в моём мире я всё ещё прислушиваюсь к каж-

дому шороху в подъезде и скрипу тормозов во дворе. Девять лет я не меняю замок на входной двери. Вдруг у него остались ключи или он вернется ночью, а дверь не поддастся?

Опять по инерции я взяла телефон, чтобы не сидеть в этой оглушающей пустоте. И по этой причине я решила открыть ВК и посмотреть на чужие улыбки, праздники, и на целые семьи. Это как ковырять старую рану — больно, но ты не можешь остановиться. Пальцы сами листали ленту «ВКонтакте». Кошки, мемы, девочки из школы Дианы... Потом алгоритм, этот слепой идиот, предложил мне: «Возможно, вы знаете».

Фотография улыбающейся светловолосой женщины. Имя — Эмма. Незнакомое. Но палец примерз к экрану. Внутри что-то глухо екнуло, холодная волна пробежала от затылка к лопаткам. Я зашла в её профиль.

Читаю: Медсестра. Санкт-Петербург. Мама Егорки. А потом снимки замелькали перед глазами: малыш в варенье, осенний парк, золотые листья, она держит за руку ребенка в синей курточке... Счастливая и обычная жизнь, пахнущая домашним уютом и спокойствием, а потом мой мир схлопнулся. На фото солнцем залитая гостиная и Эмма обнимает мужчину со спины, положив подбородок ему на плечо. А он... смотрит в камеру и улыбается...

У глаз — тонкая сетка морщин. Волосы подстрижены коротко, аккуратно. Лицо спокойное, гладкое, полное жизни, человека, который спит по ночам и не знает, что такое ждать

звонка из морга девять лет подряд. Того, кто не считал копейки от зарплаты до зарплаты, пытаюсь поднять ребенка в одиночку.

Но это его глаза и его губы, и та самая ямочка на щеке, которую я целовала перед каждым его уходом на задания от нашего клана. Я помню её вкус и как она подергивалась, когда он пытался сдержать смех. Это он, мой муж Артём.

Телефон выпал из рук и глухо ударился о колено, отскочив на одеяло. В ушах взвыла сирена, в висках застучал тяжёлый молот. Воздух в комнате вдруг стал густым и горьким, его невозможно было вдохнуть. Я схватила опять аппарат дрожащими, онемевшими руками и приблизила фото. Всмотривалась, пока пиксели не начали расплываться в кровавые пятна.

Это он точно, потому что все девять лет я хранила его черты в памяти, как икону. Я выучила каждый изгиб его бровей, каждую крошечную родинку. Я не могла ошибиться. Я молилась на это лицо каждое утро и каждую ночь, заклиная Праматерь Луну вернуть мне его любимым — раненым, сломленным, тихим, но только бы живым. Подпись под фото жгла сетчатку: «Идеальные выходные. Мой Сергей и наше солнышко».

Сергей. Имя вошло под ребра, как нож. Сергей. Не Артём. Успешный человек. Из Петербурга.

Девять лет я просыпалась от крика дочки, когда ей снилось, что папа уходит навсегда. Я бежала к ней, прижима-

ла её, холодную от пота, к себе и шептала: «Он вернется, Диан, папа обязательно найдет дорогу домой». Я лгала ей и обивала пороги военкоматов, терпела жалостливые, почти безразличные взгляды чиновников, которые считали меня сумасшедшей «ждуньей». Но я не стала покупать черное платье. Я верила, что он там — в плену, в беспомощности, в аду — но он живой! Ждала, как в стихе: «Жди меня, и я вернусь...» Я заживо похоронила себя в этом ожидании: и свою молодость, и свою красоту, и свою радость. Я превратилась в тень, в сухую функцию — в вечный памятник человеку, который просто исчез.

А он не был в аду. Он был в Питере. С другой женщиной. С другим сыном. С другим именем. Значит он просто нас стер, как ненужный файл. Нас в его памяти больше не было, ни нашей тесной кухоньки, ни наших планов на лето, ни нашей дочки. Сначала пришла не боль, а глухая пустота... Будто из меня выдернули что-то важное и я осталась в этом мире, как ненужная пара...

А следом — дикая, спазматическая тошнота. Я рванулась в ванную, ударившись плечом о косяк, не чувствуя удара. Меня рвало желчью в раковину, потому что желудок был пуст. Я захлебывалась слезами, смешанными с ледяной водой, и они уходили в канализацию вместе с моими надеждами. Вместе с девятью годами моей преданности.

Я подняла голову и из зеркала на меня посмотрела жен-

щина, которую предали, забыли и выкинули на мусорку, как старую вещь. В глазах не было огня, они были тусклыми. А он на том фото — лощеный, отдохнувший, живой и счастливый.

Я вернулась в спальню. Села на край кровати. Ноги не держали. Телефон продолжал светиться этой невыносимой, чужой радостью. Я смотрела на экран, и внутри что-то окончательно перегорело. На месте пепла застыл лед. Тяжелый, острый, злой. Это не двойник, моё сердце не обманешь, потому что оно столько лет болело по нему...

Я полезла на верхнюю полку шкафа. Руки тряслись так, что я едва не свалила на себя коробку с нашей прошлой жизнью, я достала её... Внутри — письма, пахнущие старой бумагой и моими слезами, его армейские фото, казенный лист с приговором: «Пропал без вести». Вытащила свадебный снимок. Юный Артём, сияющий, в смешном пиджаке, обнимает меня — девчонку, которая верила в «навсегда». Которая думала, что любовь — это защита от всех бед. Я положила фоторядом со смартфоном.

Один и тот же человек. Тот же взгляд. Только теперь он принадлежал чужаку по имени Сергей Петров. У него были другие приоритеты, другие заботы. В этой его новой жизни нам не было места.

— Мам? — Я вздрогнула, как от удара. В дверях стояла Диана. Босая, в длинной футболке, она казалась совсем маленькой и беззащитной в этом полумраке. Моя девочка, ко-

торая выросла без отца, глядя на его фото в рамке.

— Ты почему плачешь? — спросила она, её голос задрожал. Она уже всё поняла по моему лицу. Она привыкла ловить малейшие тени моей боли.

Я вытерла лицо ладонью. Ладонь стала мокрой и холодной.

— Всё в порядке, маленькая. Просто в глаза соринка попала... — сказала я сорванным, словно чужим, голосом.

Дочка подошла, села рядом, прижалась своим острым плечом к моему. Она всегда так делала, когда ей было страшно — искала защиты у меня, у той, кто сама сейчас разваливалась на куски и взяла телефон. Увеличила снимок. Она смотрела на него так долго, что мне стало страшно. В её глазах, таких же карих, как у него, я увидела, как рушится её мир. Последняя крупинка веры в то, что папа — герой, который попал в беду.

— Папа? — как бы спросила она, но в голосе её не было и тени сомнения. словно вот он, смертный приговор моей надежде.

— Да, дочка.

— Не понимаю, — она рассматривала фото и молчала, а потом тихо проговорила, — Мам, но тут его зовут Сергей. У него... другой ребенок.

Глава 2

Каждое слово — как гвоздь в крышку гроба. «Другой ребенок». Но у него есть дочь Диана, которая до сих пор хранит его старую кепку под подушкой. Она до сих пор ему пишет письма в никуда и прячет их в ящик стола, а он вычеркнул её. И заменил её на «солнышко» из Питера. Как же он мог? Как он мог спать, есть, смеяться, зная, что где-то в другом городе растёт его плоть и кровь, задыхаясь от его отсутствия?

— Что ты сделаешь, мам? — доча посмотрела на меня в упор. В её взгляде не было слез. Только та же страшная пустота, что и у меня.

Я посмотрела на свадебное фото.

«Я вернусь, Полинка, ты только жди». Он целовал меня на пороге, от него пахло дождём и надеждой. Он обещал. Он клялся, что мы — его всё. Я его пара. Он предназначен мне Праматерью Луной. Он вернулся, но только не домой. Я забрала у дочери телефон и погасила экран.

— Я найду его, Диан, — произнесла я твердо. — И я спрошу у него, как называется цена, за которую продают свою жизнь и память, а также свою дочь. Посмотрю в его спокойные глаза..., — я помолчала, а потом через паузу произнесла, — И еще я очень хочу увидеть в них хотя бы тень того, кем он был.

Встала с кровати, ноги больше не дрожали. Девять лет я ждала знака, вот он я его получила. В Питер. К «Сергею». К человеку, который украл у нас девять лет жизни.

На работе я взяла отпуск за свой счет. Плевать на деньги, плевать на отчеты. Всё равно я последние дни была там лишь оболочкой. Позвонила маме, как только услышала её тихое «Алло», меня прорвало. Рыдала в трубку, захлебываясь словами, не в силах объяснить, что видела на экране телефона мертвеца, который слишком широко улыбался.

Мама пришла быстро. Собранная, с поджатыми губами — она всегда становилась такой, когда в дом приходила беда. Зашла в квартиру, бросила сумку на стул и заявила с порога:

— Езжай, дочка. Ты же не успокоишься. Вызовешь нас с Дианой, если нужна будет помощь.

Она шагнула ко мне и обняла так крепко, как обнимала в детстве после разбитых коленок. Только коленки больше не болели — болело всё нутро.

— Мам, это он. Я же чувствую его... он там я знаю... через столько лет, — прошептала я ей в плечо. — Даже если он будет пахнет теперь чужими духами, это мой Артём. Мой волк. Мой муж.

— Я знаю, Полин. Сердце не врет. Езжай.

Мы попрощались с дочкой. Диана стояла в прихожей, бледная, с застывшим взглядом. Она не плакала, только вцепилась в мою куртку на секунду.

— Мам, найди его. Пусть он посмотрит мне в глаза. Хотя

бы в камеру, — тихо сказала она.

— Найду, Диан. Обещаю.

Такси до аэропорта, покупка билета — всё как в тумане. Ожидание рейса превратилось в мазохистский ритуал. Я снова и снова открывала ВК, листала фотографии Эммы. Сергей. Это имя резало слух, оно вставало поперек горла. Мой разум отказывался принимать это буквосочетание. Диана писала мне сообщения: «Мам, ты как?», «Мам, я нашла адрес его офиса». Я отвечала коротко, а сама продолжала сверлить взглядом счастливые снимки.

Объявили посадку. В самолете я выключила телефон и провалилась в тяжелое забытие. Мне снился Артём, тот прежний, и именно тот самый момент, как он уходил на то проклятое задание от нашего клана. Мой Артём — оборотень, сильный, быстрый, мой вожак. Я его истинная пара, мы связаны узлом, который не развязать даже смертью. Так почему же сейчас этот узел душит меня? Почему он с другой? У них ребенок, как он мог предать природу, предать волка в себе?

Во сне мы сидели на нашей поляне. Трава пахла мятой и влажной землей.

— Полин, я всегда рядом, — шептал он, зарываясь лицом в мои волосы. — Ты только жди.

Я хотела закричать, что ждала девять лет, что я состарилась от этого ожидания, но голос пропал.

Самолёт приземлился в Пулково под хмурым, низким

небом. Петербург встретил меня холодной изморосью. В терминале пахло дорогим кофе и чужими встречами. Никто не ждал меня с табличкой. У меня в руках — только маленькая сумка и телефон, в котором записан набор цифр...

Я взяла в прокате самую дешевую машину. Сжала руль так, что костяшки побелели.

— Соберись, — приказала я своему отражению в зеркале заднего вида. — Ты не имеешь права развалиться. Не сейчас. Помоги Праматерь Луна.

Петроградская сторона встретила узкими улицами и фасадами, которые помнили еще царей. Здесь всё дышало деньгами и тишиной. Моя колымага смотрелась здесь чужеродным пятном. Я припарковалась за два квартала, чувствуя себя воровкой. Дом был безупречен. Отреставрированный камень, кованые решетки, каменные львы у входа. В окнах второго этажа показался силуэт. И именно там и жил мой Артём, в этой золотой клетке. Я сидела в машине и просто смотрела.

«Как ты мог?» — этот вопрос пульсировал в висках.

Я не могла понять одного, как можно стереть девять лет? Стереть дочь, которая до сих пор помнит запах его армейской куртки? Стереть меня, свою пару?

Я представила, как выхожу из машины, жму на кнопку домофона и говорю: «Артём, я пришла». А он посмотрит на меня, как на городскую сумасшедшую. Или, что еще страшнее, узнает. И я увижу в его глазах не любовь, а липкий, гряз-

ный страх за свой чистый, благополучный мирок.

Меня затрясло. Я здесь была незваной гостьей, но нет, это не правда. Кричало всё внутри, но разум говорил совсем другое. Не смогу. Нет... и я потянулась к ключу зажигания, чтобы сбежать, но дверь парадной открылась.

Вышла она - Эмма. В джинсах, в удобной куртке она катила коляску. Мальчик, Егор, забавно размахивал руками, что-то объясняя матери на своем детском языке. Она смеялась, поправляя ему шапочку. Она выглядела такой... красивой, ухоженной. В отличие от меня она никогда не выла на луну от одиночества.

А потом вышел "Сергей". Застегивая на ходу дорожное пальто. Высокий, уверенный, его движения были скупыми и точными. Он что-то сказал Эмме, и та звонко рассмеялась. Он подхватил мальчишку на руки, подбросил его в воздух. Ребенок залился восторженным визгом.

Я смотрела на это через лобовое стекло, как на замедленную казнь. Он смеялся. Глаза щурились так же, как когда он играл с маленькой Дианой. Это был он, тот самый Артём. Только теперь он принадлежал другой.

Он потрепал пацана по волосам, обнял Эмму за плечи и поцеловал в висок. Так буднично и привычно...

Совершенная семья. Они ушли за угол, а я продолжала сжимать руль, чувствуя во рту горький привкус железа. Слез не было. Была только тяжесть, будто мне в грудь залили сви-

нец.

Я приехала за правдой. Вот она. Он жив, он сыт, он любит другую. Я резко вывернула с парковки. Перед глазами всё плыло. На перекрестке какой-то тип на черной иномарке подрезал меня, высунулся и что-то злобно крикнул.

Глава 3

И в этот момент внутри меня что-то лопнуло. Лед треснул, господа. Нет! Я не буду прятаться по углам. Он не имеет права просто вычеркнуть нас из уравнения жизни. Я свернула к обочине и достала телефон. Пальцы больше не дрожали. Диана прислала данные компании «Петров-Инвест». Набрала номер офиса.

— «Петров-Инвест», слушаю вас, — пропел вежливый голос.

— Здравствуйте, — сказала я сухо и жёстко. — Соедините меня с Сергеем Александровичем. По личному вопросу.

— У вас назначено?

— Нет. Но передайте ему одну фразу. Скажите, что звонит Полина. Из Новосибирска. Он поймет.

Девушка замялась:

— Сергей Александрович не принимает...

— Передайте! — оборвала я её, и в моем голосе прорезался тот самый рык, который я подавляла годами. — Полина из Новосибирска. Я жду звонка.

Я сбросила вызов. Лихорадочный жар затопил тело. Камень брошен. Тихая вода его идеальной жизни скоро пойдет кругами. Я больше не вдова. Я — та, кто вернулась за своим.

До гостиницы я доехала в полубреду. Номер на окраине пах пылью, чужим бельем и дешевым чистящим средством. Едва захлопнулась дверь, я рухнула спиной на косяк. Сил не было даже на то, чтобы просто дойти до кровати. Я сползла на пол, чувствуя, как ледяной холод ковролина пробирается под одежду. Только здесь, в этой вонючей тишине, меня наконец прорвало.

И да, это не было обычным женским горем, то была физическая ломка. Девять лет я жила как в коконе, храня верность человеку, который был для меня больше, чем муж. Он был моим Альфа и моим первым мужчиной.

Мы познакомились с Артёмом, когда нам было по восемнадцать. Я шла от подруги, срезала путь через дворы, и там всё случилось быстро. Двое парней прижали к стене, один схватил за куртку, в лицо пахло перегаром и чем-то кислым. Я онемела, даже крик застрял в горле комом. И тут из темноты шагнул парень. Спокойно так, без лишних слов. Короткий замах, удар — и один уже на асфальте, а второй просто дунул в сторону подворотни.

Артём, как позже он представился мне, повернулся.... Глаза у него в темноте были странные, слишком цепкие.

— Трясешься? — спросил он хриплым голосом.

— Нет... то есть, да. Спасибо.

Он подошел ближе. Настолько, что я почувствовала жар, который от него шел, будто от печки. И вдруг он замер. Повел носом у моего виска, глубоко и жадно втягивая воздух,

словно не мог наддышаться. Я замерла, не понимая, что происходит.

— От тебя пахнет... цветами, — выдохнул он мне прямо в волосы. — Полевыми цветами и солнцем. С ума сойти можно.

— Это просто мыло, наверное, — пролепетала я, чувствуя, как внутри всё завязывается в узел от этого его странного внимания. Он снова принюхался, уже у самой шеи, едва не касаясь губами кожи, и закрыл глаза.

— Нет, это твой запах. Я его... за милю теперь узнаю. Идем, провожу, а то опять кто-нибудь вылезет.

Всю дорогу он молчал. Шел рядом, чуть впереди, и я видела, как он постоянно принюхивается, ловит ветер. У самого подъезда он резко остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Давай завтра встретимся?

— Не знаю. Наверное...

— Приходи в парк. Я буду там в семь. Мне нужно проверить, не почудилось ли мне...

Он не договорил и просто прикоснулся ко мне лбом, по сравнению с ним я была Дюймовочка... Ростом метр с кепкой, как говорят про таких, как я...

Я тогда и представить не могла, что мой Артём — волк. Но я уже знала, что полюбила его всем сердцем и всей душой. А потом мне стало плевать, что во мне нет волчьей крови — за те годы рядом с ним я научилась чувствовать его кожей.

А потом на меня посыпались удары, один за другим, четкие, как выстрелы.

Первый: его рука на её плече. Та самая ладонь, которая когда-то заставляла меня забывать, как дышать. Второй: смех пацана, которого он качает, как когда-то нашу Диану. Третий: его новое имя, Сергей Петров.

В голове не укладывалось, как Артём Владимирович Волконский — наследник рода, воин, мой муж — мог превратиться в этого безликого «Петрова»? Волконские не исчезают просто так. Мы — Полина и Артём Волконские, это вписано в наши паспорта, в наше свидетельство о браке, в самую нашу кровь. И никакая Эмма не может это отменить.

«Что с тобой случилось, Артём?» — я билась головой о дверь, до боли, до искр в глазах. Его пытали? Ему промыли мозги? Или он сам, по своей воле, решил закопать свою фамилию, свою честь и нас вместе с ними? Самым страшным было то, что я не знала ответа. Я видела его живым, видела его сытым и довольным, и эта картинка была хуже любой похоронки. Если бы он погиб — я бы знала, что он умер моим. А теперь он жил... под чужим именем. Бред...

Я встала и посмотрела на свое отражение в зеркале, на меня смотрела не та Полина Руслановна Волконская, а ее измотанная тень. А он расцветал всё это время под чужим именем. Резкий звонок телефона заставил меня вздрогнуть.

— Алло? — произнес голос, почти напоминавший металлический. — Это Полина? Меня зовут Денис, я помощник

Сергея Александровича Петрова.

— Да, это я, — выдавила я из себя. — Наверное мне приятно, что вы перезвонили мне. Но я бы очень хотела видеть своего мужчину лично. И очень хочу рассказать о его настоящей жизни. До того, как он стал вашей тенью в галстуке.

В трубке повисла пауза.

— Полина, у Сергея Александровича нет никакой «другой» жизни. Он — глава семьи, бизнесмен. Мой вам совет: забудьте дорогу сюда. Не тревожьте людей. Ради вашего же блага.

— Передай своему господину, — я перешла на шепот, и в нем проснулось что-то звериное. — Я видела его сегодня и никуда я не уеду. Если он не встретится со мной сам, я подойду к его женщине. И я расскажу ей, кто такой на самом деле этот «Сергей». Расскажу, что он вовсе и не Сергей, а Артём Волконский, и у него есть дочь, которая девять лет засыпает с его фотографией.

Помощник резко выдохнул.

— Вы понимаете, что это шантаж?

— Это правда. Скажи ему. Если в нем осталось хоть что-то от того мужчины, за которым я шла на край света — он придет.

Я отшвырнула телефон на кровать. Мосты взорваны. Я подошла к окну, прижимая к груди фото дочки.

«Мама, а папа скоро вернется?» — звенело в ушах.

Я прижала снимок к себе и снова сползла в пыльный угол. Слез больше не было. Внутри выросла острая, как игла, решимость. Я выгрызу эту правду. Я сотру с него эту маску «Петрова» голыми руками, чего бы мне это ни стоило.

За окном шел обычный питерский дождь — нудная серость, от которой хотелось выть на луну, если бы я сама была волчица. В номере я свет не зажигала. Просто сидела на полу, прижавшись спиной к батарее. От неё несло сухим теплом, и это было единственное, что не давало мне окончательно провалиться в ступор после того, что я увидела днем.

Сердце колотилось неровно, рывками. В горле пересохло так, что больно было глотать. Есть и пить не хотелось. Просто сидеть и стараться ни о чем не думать.... Телефон на тумбочке казался чем-то чужим и опасным, но смотреть в темноту было еще хуже. Я дотянулась до него и набрала домашний.

— Да, Поля! — произнесла мама, видимо она не спала. Я знала, она там, в Новосибирске, мерит шагами кухню.

— Я видела его, мам. Это он, мой Артём.

Мама молчала. Я слышала только её тяжелый вздох.

— И что теперь? — наконец выдохнула она.

— У него всё хорошо, мам. Другое имя, другая женщина. Он смотрит на неё так, будто меня никогда не было. Нет его стаи. Нет Дины. Я не понимаю мама, как он так смог переодеться в чужую жизнь?

— Кровь — не рубашка, её не переоденешь, — голос мамы стал жестким. — Ты — Волконская. Он — твой муж. Если он потерял себя, ты должна его вернуть. Дина ждет его. Иди до конца.

Глава 4

А потом на том конце что-то грохнуло, послышалась возня, и вместо мамы в трубку задышала Диана.

— Мам! Это он, да? Ты его видела? — голос у дочери был резкий, злой. — Это же он, мама!? Ну скажи!?

Я зажмурилась и уткнулась лбом в колени.

— Да, Дин, твой отец... До последнего волоска.

— И что? Ты подошла к нему? Сказала ему про меня? — дочка запнулась, я услышала, как она шумно втянула носом воздух, сдерживаясь. А я не могла говорить, только молчала в трубку, — Мам, какого фига он там делает? На фото он улыбается, держит этого мелкого Егорку. Он что, просто нас стер?

— Я позвонила в офис. Прикинь, как у короля аудиенции теперь добиваться, — хмыкнула я в трубку.

— Да плевать мне, кем он себя возомнил! — Диана сорвалась на крик. — Я это фото до каждого пикселя выучила. Его глаза, его шрам. Мам, меня со вчерашнего дня трясет,

кожа горит так, будто я в крапиве лежу. Я же чувствую его! Я знаю, что это папа. Мам привези его обратно.

— Доча, успокойся, я постараюсь всё выяснить...

— Ма, это не про меня! — Диана почти рычала в трубку. — Скажи моему отцу, что если он такой трус, что решил нас забыть, то грош цена его волчьей крови. Я не хочу, правда, верить в это... Мам. Заставь его посмотреть на меня по видео связи. Пусть попробует сказать, что не знает собственную дочь. Я же его копия, только чуть меньше ростом.

Она бросила трубку. Резкий гудок бил по ушам, пока я не опустила руку. Диана права. Её сейчас ломает не от обиды, а от того, что её нутро Альфы не может принять этот отказ. Может, и правда, Артём не помнит кто он? Но как бы это все выяснить? Я хотела узнать правду, как и моя дочь.

Я просидела в этой тишине еще час. Потом экран снова вспыхнул. Звонок вибрировал по всему номеру. Я нажала кнопку. Молчала. С той стороны тоже не спешили с ответом. Но я кожей чувствовала эту тяжелую, давящую силу. Ту самую, которая раньше давала мне покой, это был мой муж Артём.

— На каком основании вы меня шантажируете? — голос, прозвучавший в трубке, был мне не таким уж знакомым. Он звучал холодно и отстранено. Только раздражение человека, которому мешают. — И зачем лезете к моей семье? Кто вы вообще такая?

Я прикусила губу до боли.

— Я имею на это право, — вытолкнула я из себя. — Я твоя жена, которую ты оставил девять лет назад в Новосибирске. И меня зовут Полина...

— Послушайте, женщина, мне плевать, как вас зовут, — в его голосе прорезалось низкое, вибрирующее рычание. — Я не знаю, из какой больницы вы сбежали. Меня зовут Сергей Петров. У меня есть жена и сын. Я вас не знаю. Вы ошиблись.

— Конечно! — я почти завывала от этой тупой несправедливости. — Ты — Артём Волконский. Ты оборотень — волк, который нацепил дорогой галстук и делает вид, что так и надо. Ты помнишь, как в восемнадцать спас меня от хулиганов? Помнишь, как уткнулся мне в шею и сказал, что я пахну полевыми цветами? Что этот запах — твой дом? У тебя на левом плече шрам от ножа. Ты тоже скажешь, что это ошибка? Купил шрам в комплекте с новой жизнью?

Тишина. И я словно почувствовала, что его зверь внутри него уже начал дыбиться.

— Откуда у вас эта информация? — голос стал тише и намного опаснее.

— Потому что я тебя зашивала! Потому что у тебя есть дочь, Артём, и её зовут Диана, но мы ее зовем дома чаще Дина... — я немного помолчала, прислушиваясь к его дыханию в трубке, — И ей почти пятнадцать, и она — твоя копия. Она такая же Альфа, как ты, и она сейчас не спит, потому что она чувствует тебя. Ей не нужны доказательства,

она просто знает, что ты её отец. Называй себя хоть Петровым, хоть кем угодно — это ничего не меняет.

Он молчал долго. Слышно было только, как он со свистом выдыхает через нос.

— Хорошо, — бросил он. — Завтра. В одиннадцать. Кафе «Бриз» на набережной. Приходи одна. И если продолжишь нести этот бред или тронешь мою жену... Поверь, ты сильно пожалеешь, что вообще появилась в этом городе.

— Не надо угрозы, Артём, — выдохнула я.

Пошли короткие гудки.

Я уронила телефон на ковер. Тело била крупная дрожь. Он и не вспомнил. Он просто решил выйти и раздавить проблему. Для него я не была любимой женщиной. Я была сумасшедшей, которая лезет в его чистый, понятный мир.

Я подошла к окну. Фонари на улице расплывались в грязные пятна из-за дождя. Завтра я увижу человека, который просто вычеркнул нас из памяти. И я не знала, хватит ли мне сил стоять рядом и смотреть в его холодные глаза.

Кафе «Бриз» оправдывало название: холодное, насквозь простреливаемое ветром с Невы, с панорамными окнами, за которыми расстилалось серое ничто. Я пришла за двадцать минут. Села в самом углу, подальше от входа, и вцепилась в чашку кофе. Пар обжигал лицо, но внутри всё равно было ледяное оцепенение.

Я увидела его через стекло. Он шел по набережной — раз-

машисто, уверенно, разрезая грудью сырой питерский воздух. На нем было дорогое пальто, идеально сидящее в плечах, но я видела не ткань. Я видела его походку. Так ходят те, кто привык брать свое, кто не боится темноты. Мой Артём, но только теперь его звали Сергей, и он шел не обнимать меня, а выкорчевывать из своей новой реальности.

Дверь звякнула. Он вошел, принес с собой запах холода и дорогого табака. Огляделся. Его взгляд — тяжелый, сканирующий — мазнул по мне и зацепился. Никакой радости. Никакого шока. Только собранность хищника перед прыжком.

Он подошел к столику, отодвинул стул с коротким противным скрипом и сел напротив. Не снял пальто, не предложил заказать что-то еще. Просто положил руки на стол. Крупные ладони с короткими ногтями. Я помнила каждый бугорок на его суставах.

— Полина, — произнес он.

Голос был тот самый, от которого у меня когда-то перехватывало дыхание. Но интонации... в них была выжженная пустыня. Ни тепла, ни воспоминаний. Он выговаривал мое имя так, будто это сложный юридический термин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.